

НОВЫЕ КНИГИ

Neef, Rainer and Manuela Stanculescu (eds.) *The Social Impact of Informal Economies in Eastern Europe*. Aldershot: Ashgate, 2002.

Ниф Р., Станкулеску М. (ред.) *Социальное воздействие неформальной экономики в странах Восточной Европы*.

Радаев Вадим Валерьевич, ГУ–ВШЭ¹

Круг исследований неформальной экономики и ее влияния на социально-экономическое развитие в разных странах продолжает расширяться. И рецензируемая книга – еще один вклад в литературу по данной тематике. На этот раз речь идет о Восточной Европе и России. Это не компаративное исследование в строгом смысле слова, построенное на основе единой модели или сходного подхода (за исключением главы *Клер Уоллес и Кристиана Херпфера*, построенной именно на компаративистике). Книга выполнена в жанре, который у нас ранее назывался «коллективной монографией». Тем не менее, получился достаточно неплохой обзор того, из чего складывается и как развивается неформальная экономика в нескольких посткоммунистических странах (прежде всего, Болгарии, Румынии, Венгрии и России).

Нет нужды говорить о том, что с тех пор как в начале 1970-х гг. Кит Харт впервые использовал данный термин, неформальная экономика определялась и измерялась весьма различными способами. Поэтому вполне логично, что книга открывается обзором существующих определений и концепций неформальной экономики, представленным одним из редакторов тома Райнером Нифом. Прежде всего, он совершенно справедливо четко разделяет неформальную и криминальную экономику (которые частенько смешиваются), оставляя криминал за бортом исследования.

Далее, известно, что неформальная экономика включает два основных сегмента, первый из которых связан с теневой экономикой фирм, а второй – с нерегулируемой экономикой домашних хозяйств. И с этой точки зрения следует сказать, что рецензируемая книга практически целиком посвящена второму сегменту – домашним хозяйствам, а поведение предприятий практически не рассматривается (или рассматривается косвенным образом).

Наконец, поворачиваясь лицом к домашним хозяйствам, автор вводной главы и многие другие авторы книги определяют неформальную экономику как сферу хозяйственной деятельности, нерегулируемой государством, в которой домашние хозяйства извлекают денежные и натуральные доходы. В результате рутинный домашний труд выводится за рамки неформальной экономики. Подобный подход к репродуктивным функциям домашнего хозяйства можно считать спорным. Но придется признать, что выведение этого рода неоплачиваемой деятельности по самообслуживанию членов семьи из состава неформальной экономики снимает некоторые очевидные трудности по измерению ее масштабов.

Одна из основных и по существу сквозных идей представленной книги заключена в демонстрации того, насколько неоднородна неформальная экономика домашних хозяйств. Она складывается из ряда сегментов, которые выполняют различные функции или, следуя терминологии А. Портеса, подчиняются разным функциональным логикам, включая уход от уплаты налогов, получение дополнительных заработков или обеспечение выживания бедных слоев населения. Такой подход позволил представить любопытные классификации неформальной экономики домохозяйств. Первая из них принадлежит *Клер Уоллес и Крису Херпферу*. Они отвергают весьма распространенный принцип классификации, основанный

¹ Первоначальный вариант рецензии был подготовлен автором по заказу журнала *European Societies*.

на различении легальной и нелегальной хозяйственной деятельности. Вместо этого они располагают сегменты неформальной экономики вдоль оси континуума «интеграция – автономия». Это позволяет им выделить следующие уклады:

- формальная экономика [formal economy] – формальная занятость на рынке труда;
- экономика наличных денег [cash economy] – неформальная занятость на рынке труда;
- социальная экономика [social economy] – взаимная помощь домохозяйств посредством межсемейных сетевых связей;
- домохозяйственная экономика [household economy] – производство собственных продуктов питания, мелкие ремонтные и строительные работы.

Иную классификацию предлагает *Таня Чавдарова* в одной из глав о Болгарии. Неформальная экономика делится здесь на следующие сегменты:

- неофициальная экономика [non-official economy] – неоплачиваемый труд членов домашнего хозяйства;
- социальная экономика [social economy] – межсемейные реципрокные обмены трудом и его результатами;
- скрытая экономика [hidden economy] – уход от налогообложения и коррупционные сделки;
- нерегулируемая («черная») экономика [non-regulated black economy] – найм и самостоятельная занятость без оформления трудовых договоров.

Важный вывод, проходящий практически через всю книгу, состоит в том, что семьи не сосредоточены в каком-то одном сегменте неформальной экономики. Как правило, они комбинируют разные стратегии, включая усилия по обеспечению минимума средств существования, получение неформальных дополнительных заработков на рынке труда и формальную занятость. На основе представленных данных можно заключить, что лишь каждая десятая семья ограничивает свою деятельность сферой формальной экономики, в то время как девять десятых семей в той или иной мере вовлечены в неформальную хозяйственную деятельность. А благосостояние примерно одной трети семей преимущественно зависит от неформального сектора (см. главы *Уоллес и Херпфера*, с. 37–38; *Станкулеску*, с. 144). Таким образом, структура трудовой деятельности и получаемых доходов домашних хозяйств весьма разнородна.

Деятельность в неформальной экономике традиционно признается важным ресурсом, позволяющим домашним хозяйствам справиться с бедностью и малообеспеченностью, безработицей и общей неопределенностью хозяйственной жизни. Считается также, что ее роль наиболее значима именно для наименее обеспеченных семей и наиболее бедных стран. Тем не менее, как справедливо замечает *Рэй Пал* в своем предисловии к книге, неформальная экономика отнюдь не замыкается на стратегиях выживания беднейшей части домохозяйств. На самом деле, именно обеспеченные и богатые группы населения наиболее успешно скрывают от налогообложения весьма значительные доходы, полученные в сфере бизнеса. В итоге на уровне домашних хозяйств оказывается, что бедные и богатые располагаются в разных сегментах неформальной экономики. Беднейшие слои населения находятся в сильной зависимости от успеха собственных стратегий выживания в сфере натурального самообеспечения, в то время как преуспевающие слои населения эксплуатируют формальную экономику и неформальную экономику наличных денег. Добавим, что при этом формальная экономика самым тесным образом интегрируется с неформальным наймом на рынке труда.

Характерной чертой книги в целом является широкое разнообразие используемых подходов к анализу неформальной экономики. Так, исследование *Клер Уоллес и Кристиана Херпфера*

базируется на данных панельного исследования, проведенного под руководством авторов в одиннадцати восточноевропейских странах в период 1991–1998 гг. *Таня Чавдарова* опирается на совершенно иной, культурно-исторический подход. Она показывает, насколько укорененными в болгарской истории оказываются традиционные формы неформального реципрокного обмена, которые продолжают относительно устойчиво воспроизводиться и в посткоммунистическое время. В свою очередь, *Милена Беновска-Сабкова* представляет скорее дескриптивный обзор ситуации в Болгарии и Сербии в дореформенный и постреформенный периоды. Предлагается даже и вариант феноменологического подхода. С его помощью *Клаус Рот* пытается охарактеризовать специфические практики и стратегии домашних хозяйств в социалистический период. (Хотя следует признать, что методологически данная глава несколько выпадает из структуры всей книги).

Пожалуй, наиболее обширный страновой раздел посвящен Румынии. Здесь также используются самые различные методологии. *Мануэла Станкулеску* комбинирует данные стандартизованного опроса и качественных интервью, чтобы проследить принципиальную гетерогенность неформальной экономики с точки зрения разных социальных групп и демографических поколений на примере аграрного производства для собственных нужд [agrarian «self-production»]. Ею также предложена небезытересная типология экономической ситуации домашних хозяйств, построенная на способах распределения формального и совокупного дохода (с. 138). Детальный анализ экономического и социального положения домохозяйств в Румынии продолжают главы, написанные *Эстер Голибрух* и *Симоной Илие*, где первая описывает ситуацию в сфере неформальной занятости, а вторая анализирует поляризацию доходов домашних хозяйств. Дополнительным вкладом становится глава *Константина Чиупаги*, пытающегося оценить масштабы неформальной экономики и ее распределение по хозяйственным секторам.

В отличие от основной массы исследований, представленных в книге, глава, которую написали *Андре Шик* и *Иштван Тот* о Венгрии, опирается на данные как о домохозяйствах, так и о фирмах. Цель работы – проследить влияние скрытой экономики в посткоммунистический период. Основной вывод авторов состоит в том, что в конце 1990-х гг. произошел перелом в динамике венгерской скрытой экономики, которая после продолжительного роста начала заметно сокращаться, что считается свидетельством определенной нормализации в хозяйственном развитии Венгрии.

В книге предлагаются также интересные образцы этнографических подходов. Так, *Андре Шик* публикует результаты годового наблюдения за открытым неформальным рынком труда на Московской площади в Будапеште. Речь идет о теневом найме гастарбайтеров из Румынии и местных чернорабочих. Перед нами возникает очень специфический пример «свободного рынка» с неустойчивым сезонным спросом и отсутствием явного государственного регулирования трудовых отношений.

Другое этнографическое исследование посвящено России. Участники самого крупного российского крестьяноведческого проекта *Ольга Фадеева*, *Александр Никулин* и *Валерий Виноградский* с присущей им обстоятельностью характеризуют тенденции развития домохозяйственного производства как элемента, встроенного в единую систему существования и обслуживания крупных сельских хозяйств (вчерашних колхозов).

Добавим, что каждый страновой раздел открывается небольшой главой, посвященной обзору экономического и социального положения в этой стране. Сама по себе эта идея неплоха. Хотя в итоге вводные четыре главы (Болгария, Румыния, Венгрия и Россия) кажутся слишком «статистическими» и формальными по сравнению с основными содержательными частями.

Книга завершается обзором стандартных способов измерения неформальной экономики, представленным *Филиппом Адером* и *Райнером Нифом*. Литература по этой теме уже

достаточно обширна. Однако данная глава не кажется лишней, гладко встраиваясь в общую структуру опубликованного тома.

В целом тем, кто интересуется сюжетами неформальной экономики, стоит, на наш взгляд, прочитать предложенную книгу.